

ДМИТРИЙ ДЕГТЕВ, ДМИТРИЙ ЗУБОВ

**БОРИС
НЕМЦОВ**

СЛИШКОМ

**НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

**ОТПОВЕДЬ
БУНТАРЮ**

Дмитрий Дёгтев

**Борис Немцов. Слишком
неизвестный человек.
Отповедь бунтарю**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

Дёгтев Д. М.

Борис Немцов. Слишком неизвестный человек. Отповедь бунтарю
/ Д. М. Дёгтев — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07588-8

Спустя два года после трагической гибели политика Бориса Немцова страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли. Что касается нижегородского губернаторства Немцова, то этот период оброс многочисленными легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ» и т. п. В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней приведены малоизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора Нижегородской области и вице-премьера российского правительства, многочисленные его высказывания и заявления, раскрыты психологические особенности его личности, причины привлекательности и мотивы поступков в политике и в личной жизни. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой Нижегородский регион процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого намерения, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп одних людей и низвержении других, насколько образ Немцова был создан им самим и его окружением и т. д.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-227-07588-8

© Дёгтев Д. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
«Критическая волна»	9
Физик с плейбойскими повадками	13
Глава 2	16
ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль	16
Что увидел, то и спел	20
«Обезличенный ассортимент»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Михайлович Дёгтев, Дмитрий Владимирович Зубов Борис Немцов. Слишком неизвестный человек Отповедь бунтарю

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без
письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.

© Дегтев Д. М., Зубов Д. В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

«В России, как известно, две проблемы: дороги и дураки. С дорогами еще можно как-то разобраться. Что касается дураков, то здесь все гораздо сложнее», – говорил Борис Немцов в марте 1995 года.

Спустя ровно 20 лет, 3 марта 2015 года, нам довелось побывать в Москве, на похоронах политика. То был довольно теплый весенний день. Зима закончилась непривычно рано (обычно в марте еще лежит снег), а в столице, во всяком случае на Садовом кольце, уже было сухо и чисто. Путь к нужному месту было легко отыскать даже человеку, плохо ориентировавшемуся в московских просторах. Среди толпы, сновавшей рядом с Курским вокзалом, отчетливо выделялись граждане с серьезными лицами и красными гвоздиками в руках. И все они спешили в одну и ту же сторону. Иногда из непрерывного гула, который стоит на этой магистрали, слабо доносилось: «Немцов...» Ну а вскоре показалась живая очередь, тянувшаяся вдоль старых домов внешней стороны Кольца, уходящая вниз и влево – к Сахаровскому центру. Первое, что бросилось в глаза, – это невероятная разношерстность публики, стоявшей там. И гламурные красотки с дорогими дизайнерскими букетами, и беременные женщины, и поэты, тут же публично читавшие стихи о Немцове, и антивоенные активисты с украинскими флагами на одежде, пенсионеры и типичные интеллигенты, странные оборванцы и стар и млад. Столь же пестрым был и поток VIP-персон: высокопоставленные чиновники, скандально известные оппозиционеры, послы ведущих мировых держав. Были там замечены и нижегородцы, в основном работавшие с Немцовым в бытность его губернатором.

«Кем был для вас Борис Ефимович?» Такой вопрос я задавал многим присутствующим. «Душа компании, невероятный оптимист, отличный и добродушный парень!» – отозвался о нем типичный представитель столичного протестного движения, много раз встречавшийся с Немцовым на митингах. «Для меня это был просто красивый мужчина! – сказала жительница Улан-Удэ, ныне проживающая в Москве. – Я всегда любила его и любовалась им. Как можно такого умного, образованного, доброго человека убить?! Страшные люди у нас!» «Немцов – это яркая, крупная фигура, – отозвался о нем молодой человек, представившийся антивоенным активистом. – Он консолидировал либералов. Его убийство – это скрытая гражданская война, которая уже давно идет в России». При общении со многими людьми, пришедшими проводить Немцова в последний путь, бросилась в глаза одна важная особенность. Москвичи с трудом вспоминали о его губернаторском, реформаторском и нижегородском прошлом и считали именно своим, настоящим московским парнем.

Надо отметить, что организована панихида была из рук вон плохо. Ведь заведомо было понятно, что Сахаровский центр, на деле представляющий собой обшарпанный старый особняк с пристроем, не очень вписывающийся в облик современной Москвы, не сможет вместить всех желающих. В результате получилось, что чем ближе был вынос тела, тем длиннее становилась очередь, растянувшаяся практически до Курского вокзала. Ну а в конце происходящее вылилось в настоящую душераздирающую драму. Ограничительные заборы были отодвинуты, и не успевшие возложить цветы стали кидать их «оптом» прямо к двери. Началась давка, при этом часть людей полезла на склон парка с криками: «Герои не умирают!» Полиция, как могла, пыталась оттеснить людей от выезжавшего из Сахаровского центра катафалка. Однако, несмотря на большое число сотрудников, толпа быстро прорвала оцепление и устремилась вслед за машиной. «Борис, прощай!» – кричали плачущие женщины. А когда катафалк с трудом вырвался из объятий и свернул на Садовое кольцо, толпа вышла на проезжую часть, где скомканная панихида мгновенно превратилась в шествие, которое дополнялось гудками десятков автомобилей, ехавших по внутренней, не перекрытой для движения стороне Садо-

вого кольца. Вот таким громким в прямом смысле слова получилось народное прощание с Немцовым.

Спустя два года после трагической гибели политика страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Прошедшие очередные «марши Немцова», совпавшие с премьерой фильма «Немцов. Слишком свободный человек», показали, что этого человека не забудут еще очень долго. В Москве и других городах идут бесконечные баталии за «народные мемориалы», а в некоторых городах власти и активисты ведут борьбу за увековечивание памяти Немцова. Кое-где даже предлагают называть в честь его проспекты и площади, а Большой Замоскворецкий мост в Москве и вовсе неформально зовут «Немцов-мост». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли.

В то же время, когда автору довелось общаться с многочисленными поклонниками Немцова, всплыла парадоксальная вещь. На вопрос «А что конкретно сделал Борис Ефимович и чем прославился?» никто не смог дать вразумительного ответа. Заявляют, что он был «реформатор», «умный», «красивый», «добрый», «смелый», «обаятельный», «честный», «удивительный», «дружелюбный» и т. п., но при этом никто уже не помнит, что конкретно Немцов «реформировал» и, главное, как и зачем. А под «либерализмом» почему-то понимается бесконечное хождение на митинги, марши, крики, вопли и бичевание власти. Это, собственно, то, чем и занимался Немцов все последние годы. Что касается губернаторства, то этот период оброс многочисленными мифами и легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ», «Немцов все поднял» и т. п. Противники Немцова, наоборот, обвиняют его во всевозможных «предательствах», деятельности в интересах «мирового капитала» и США («агент Госдепа») и т. п. Но при этом никто не отрицает, что Немцов все же был «яркой личностью», «реформатором» и вел некую деятельность.

Так ли это на самом деле? То есть был ли Немцов реформатором, либералом, выдающейся личностью, смелым и честным, а главное – был ли он умным и интеллектуально развитым человеком? В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней также приведены малоизвестные и неизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора и вице-преьера, его многочисленные высказывания и заявления, характеризующие его истинную сущность, раскрыты неизвестные психологические особенности личности Немцова, причины его привлекательности и подлинные мотивы, двигавшие им. Кроме того, книга совершенно по-новому показывает события страны эпохи «лихих девяностых», рассказывает, как жили люди и как менялось их восприятие действительности на фоне грандиозных перемен, происходивших в стране. Читателям предлагается как бы заново пережить это время и переосмыслить происходившие со страной катаклизмы. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой регион отдельно процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого шага, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп различных личностей (например, Сергея Кириенко) и низвержении других (например, Андрея Климентьева), не был ли образ Немцова искусственно создан им самим и его окружением, был ли Немцов «образцом честности» и т. д. и т. п. А также зачем Немцову было нужно столько женщин?

Глава 1

Эффект опрокидывания

«Критическая волна»

1989 год. Это был рубеж, точка невозврата, пройдя которую объявленная генсеком Горбачевым перестройка из поверхностной демократизации по типу хрущевской «оттепели» превратилась в неконтролируемый распад всей советской системы. На зданиях по-прежнему реяли красные флаги, десятиклассники ради успешного поступления в вуз все так же подавали заявления в комсомол, на каждом шагу стояли памятники Ленину, а предприятия и организации все еще отмечали коммунистические праздники.

Однако при сохранении этих привычных атрибутов в нашу жизнь все сильнее и смелее вторгались явления и события, которые еще пару лет назад показались бы просто невозможными. Наряду с госсобственностью стала действовать аренда, а у овощных баз и гастрономов появились настоящие конкуренты – кооператоры. А в закрытом городе Горьком – одном из центров советской военной промышленности – вдруг состоялся митинг в память о жертвах политических репрессий. Прошел он в парке Кулибина. Место это было по-своему символическим. Бывшее городское кладбище, где за два столетия было похоронено несколько поколений нижегородцев, от купцов и чиновников до нищих и бунтовщиков, повешенных в 1907 году на «столыпинских галстуках», которое в 1940 году было превращено в парк, в годы застоя ставший излюбленным местом пьяниц и местом проведения дискотек с традиционным мордобоем. Выступали на митинге отнюдь не представители обкома и горкома партии (той самой, которая вроде бы инициировала этот процесс и осудила репрессии), а, напротив, представители так называемых «неформалов» – различных движений, зарабатывавших славу как раз на разоблачении всего коммунистического и советского. Среди прочего в месте, к репрессиям в общем-то отношения не имевшем (в парке никого не расстреливали и не закапывали), кое-кто даже выкрикивал совсем уж кощунственные лозунги типа «Советы без коммунистов!». Услышав это, одни восторгались пьянящим вкусом свободы, другие, наоборот, вздрагивали и ужасались. Это как же так?! А завтра скажут: «Советская власть без Советов»?!

Компартия в это время стремительно теряла авторитет и влияние, и этот факт был очевиден ее функционерам. «Надо признать, что для „неформалов“ складывается крайне благоприятный фон, – констатировал первый секретарь Горьковского горкома КПСС Ю. А. Марченков. – Не дождавшиеся реальных улучшений от перестройки, люди раздражены и настроены только на критическую волну. На этой волне довольно успешно идет атака на партию». Однако горком сдаваться пока не собирался и вырабатывал, по его собственному выражению, тактику «объединенного наступления по всему фронту наметившегося идеологического противостояния»...

Как раз в это время среди горьковской общественности развернулась бурная дискуссия по вопросу возвращения городу его исторического названия. Причем позиции сторонников и противников переименования были не просто противоположными, а даже враждебными. Первые писали письма в Москву, в том числе в газету «Известия», а также демонстративно украшали автобусы и грузовики надписями «Нижний Новгород». Вторые по старинке жаловались в обком и строчили гневные письма в газеты в духе «Не допустим!», «Не смейте трогать имя Максима Горького!». «Не можем продолжать осквернять имя города, данное нашими предками 760 лет назад! – возмутился некий Ю. Суханов в письме в „Горьковский рабочий“. – Это же кощунство – плевать на память русичей!» «Наш город не должен быть горьким, он должен

быть светлым, безоблачным, радостным, в котором люди должны жить счастливо и с радостью трудиться для приумножения благосостояния и славы родного края», – полагала горьковчанка Вера Гежес. «Взять у старого славного города имя, которое он с достоинством и честью носил семь веков, зачеркнуть его и дать совершенно другое – это все равно что украсть чужое!» – вторил ей журналист В. Ларцев. «Мне как-то странно, что в последнее время очень много внимания уделяется вопросу нездоровой ностальгии по Нижнему Новгороду, – отвечала им Э. Красильникова, переехавшая в Горький из Москвы в 1955 году. – Такая „память“ необоснованна и вредна, она уводит нас от основных проблем перестройки общества, на нет отбрасывает завоевания социализма». «Если уж на то пошло, то почему мы, „канавинцы“ из Канавинского района, сормовичи и автозаводцы, словом, жители заречной части города, должны превратиться в нижегородцев? – возмущался подполковник в отставке А. Батищев. – Ведь наши предки никогда не жили в Нижнем Новгороде». Некоторые и вовсе предлагали разделить город на две части, а потом одну назвать Нижним Новгородом, а другую оставить Горьким! Либо оставить оба названия, а второе писать в скобках...

Сейчас, спустя четверть века, понятно, что ожесточенная дискуссия вокруг названия города всего лишь отражала незримый раскол, даже пропасть, образовавшуюся к тому времени в обществе. Между теми, кто по инерции и в силу воспитания и убеждений еще продолжал, несмотря ни на что, верить в социализм, и теми, кто уже готов был плюнуть на него и растоптать все то, чему учили в букваре и школе. Хотя многие, конечно, не осознавали, что, ратуя за такую, казалось бы, мелочь, как смена названия, они тем самым ставят под сомнение сами советские ценности и идеалы. Ведь переименование улиц, городов и поселков на самом деле было важнейшей частью коммунистической идеологии, символом отказа от «темного прошлого» и показателем незыблемости советского строя.

А социализм тем временем рушился не только у нас. О тревожном положении в странах так называемого соцлагеря горьковчане впервые узнали из статьи «Польский пасьянс. Кто укрепит „карточный домик“?». Оказывается, пресловутый дефицит самых необходимых товаров добрался даже до таких с виду благополучных стран, как Польша. Там исчезли с прилавков простые спички! «Вообще же обстановка в Польше за последние месяцы приобрела черты, печально знакомые всем нам, – писала газета „Горьковский рабочий“. – Из магазинов исчез сахар. Можно увидеть очередь за мясом, обувью, сигаретами. Пустые полки в магазинах (в первую очередь государственных) стали обычным явлением. И это в Польше, где в былые времена покупатели привыкли к чуть ли не еженедельной смене ассортимента! „Магазин закрыт ввиду отсутствия товаров“ – такие таблички изредка появляются на улицах». К осени 1989 года дефицит не затронул лишь некоторые виды товаров: мыло, стиральный порошок, чай и школьные тетради.

Для жителей СССР прочитанное стало настоящим шоком! Ведь раньше все завидовали гражданам, которым посчастливилось съездить по турпутевке или в командировку в страны Восточной Европы. Ибо оттуда всегда возвращались с горами дефицитных товаров, которых в самом Союзе днем с огнем не сыскать. И вдруг «магазин закрыт ввиду отсутствия товаров»... А чего нам тогда ждать, к чему готовиться?! Ведь к уже введенным годом ранее талонам на сахар и водку осенью 89-го добавились такие же «карточки» на масло животное, мыло и колбасу. Партия, как и в суровые военные годы, призывала к стойкости, терпению: мол, бывали времена и похуже, но народ выстоял, выстоим и теперь! Даже если голод начнется...

Однако народы Восточной Европы «стоять до последнего» за идеалы социализма не хотели. Выстроенная Сталиным, укрепленная Хрущевым и тщательно сохранявшаяся Брежневым и Андроповым система просоветских режимов начала разваливаться как тот самый «карточный домик». Именно в 1989 году произошло то, что потом назвали антикоммунистическими революциями, а в западных странах не иначе как «Осенью народов». Отреагировав на горбачевскую политику «нового мышления», оппозиционные силы начали раскачивать и

рушить социализм. Раньше всех советские идеалы предали Польша и Венгрия. В первой было сформировано первое некоммунистическое правительство, а власти второй 11 сентября объявили об открытии границ. Пресловутая Берлинская стена, десятилетиями являвшаяся символом холодной войны и границы между социализмом и капитализмом, после этого потеряла свой смысл: в течение трех дней из ГДР через территорию Венгрии сбежали сразу 15 тысяч граждан. А в октябре венгерская правящая партия собралась на свой последний съезд и добровольно трансформировалась в социалистическую. 16–20 октября парламент одобрил многопартийные парламентские выборы и прямые выборы президента, а страна была переименована в Венгерскую Республику. Вслед за этим массовые протесты охватили уже соседнюю ГДР. 24 октября генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер вынужден был покинуть свой пост, что фактически означало крах просоветского режима в Восточной Германии.

А что же СССР? А там 25 октября Михаил Горбачев официально заявил об отказе от использования силы против своих союзников! И это стало поворотным моментом в советской внешней политике. Сейчас многие обвиняют последнего генсека в «предательстве» и «слабости». Однако нашлись ли бы у тогдашней голодающей и томящейся в пятичасовых очередях за сахаром страны силы для подавления очередных восстаний, да еще и сразу во всех странах-сателлитах одновременно, если бы такое решение было принято? Ведь фактически это была бы целая война с тысячами жертв. Весьма сомнительно. Ну а на очереди были Чехословакия, Болгария и Румыния. Впрочем, тогда, несмотря на все эти, как казалось, удивительные и «невозможные» события, еще никто не задумывался: а не постигнет ли вскоре судьба стран Варшавского договора и сам Советский Союз? Ведь все поколения граждан были воспитаны на том, что лучше советского строя ничего нет и все народы живут в СССР сугубо добровольно и счастливо. Разве «союз нерушимый» только на штыках и грубой силе стоит? Как оказалось, да...

Под влиянием событий в Восточной Европе осенью 1989 года украинское движение «Народный рух» открыто объявило своей целью восстановление независимости страны. Изначально эта организация именовалась «Народное движение за перестройку» и декларировала «содействие коммунистической партии в демократизации общества». Но теперь на волне революций приставка «за перестройку» исчезла, аналогичным образом это произошло в известном «Саюдисе» в Литве и Народном фронте в Белоруссии. Маски были сброшены, и сепаратисты (ну или национально-освободительные движения, это уж как кому больше по душе) начали открытую борьбу за независимость республик. При этом ЦК компартии Украины скромно заявил, что мешать созданию новых политических движений в республике власть не будет. Ну а 28 октября был принят закон «О языках в Украинской ССР», который стал первым серьезным вызовом Союзу. Поскольку именно Украина являлась его, так сказать, основным конструктивным и важным опорным элементом, фактически именно эти события дали незримый старт к распаду страны.

Стремительно менялись и другие стороны жизни. В 1989 году на экраны вышла 22-я часть сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи. Мафия», которая стала последней из «классической», советской части фильма. Она снималась в разгар перестройки и поэтому весьма сильно отличалась от первых фильмов сериала, выходявших с 1971 года. Зрители увидели там все приметы времени – нарождающаяся организованная преступность, торговля и употребление наркотиков, подростковые банды, распоясавшиеся спекулянты. Однако милиция, как и в былые времена, все равно победила, а справедливость, как и положено, восторжествовала. И советские граждане были по-прежнему уверены: «Наша милиция нас бережет»... Тем временем каждую неделю в Горьком совершалось по несколько убийств, разбоев и изнасилований, а также десятки грабежей и сотни краж. При этом в конце 80-х преступников интересовали в первую очередь не деньги (большие суммы тогда в карманах не носили), а личное имущество: часы, одежда, золотые украшения, водка и продукты. Стремительный рост преступности объ-

яснялся не только сложной экономической ситуацией, как это объясняли в те годы, но и озлобленностью, разочарованием, которые овладели большей частью общества. Ведь столько лет говорили: мол, идем к светлому будущему, строим коммунизм, потерпите чуток... А вместо этого получили пустые полки магазинов, талоны на водку и сахар и... новые обещания. В этих условиях нарастали самые разные формы социального протеста против надоевшей и серой действительности, которую уже не скрашивали по-прежнему реявшие над зданиями красные флаги. Одни шли на митинги, вторые в преступники, третьи попросту хулиганили.

Как-то теплым осенним деньком два ветерана войны и труда, Валентин Михайлович и Николай Ефимович, пошли прогуляться по откосу. А потом решили присесть на лавочку воздушком подышать. Но не тут-то было! Престарелые защитники родины с изумлением увидели, что все садовые диваны, как тогда называли массивные деревянные скамейки с металлическими ножками и боковинами, почему-то валяются внизу! «Пошли дальше. И опять видим – лежат под горой еще несколько садовых диванов, – возмутился Валентин Михайлович в своем письме в газету. – Пока шли до кафе „Чайка“, таких валяющихся под откосом скамеек мы насчитали пять. Там же лежали и урны. Аналогичная картина была и за „Чайкой“ в сторону трамплина». В 70-80-х годах садовые диваны стали одним из неперенных атрибутов Верхневолжской набережной. Выглядели они, конечно, кондово и весили не меньше чем полтонны, в связи с чем представлялись чем-то незыблемым. Однако в 1989-м, как и казавшийся таким же незыблемым советский строй, эти скамейки полетели под откос. Чем вам не символ эпохи?

Физик с плейбойскими повадками

Именно на этом фоне на политическом небосводе разваливающегося Союза появляется Борис Немцов. Весной 1989 года 30-летний мужчина с кудрявыми волосами подал заявление на участие в выборах в Верховный Совет СССР. Последние в полной мере соответствовали той «переходной» эпохе. С одной стороны, альтернативные и конкурентные выборы, кандидаты выступали перед избирателями со своими программами, в том числе в прямом эфире по телевидению, а голосование было по-настоящему тайным.

Были отменены и всякие разнарядки при выдвижении кандидатур. Вместе с тем закон все равно обеспечивал сохранение власти в руках КПСС (87% депутатов оказались либо членами партии, либо кандидатами в члены). Во-первых, одна треть депутатов избиралась от общественных организаций, той же компартии и подконтрольных ей, во-вторых, предусматривалось совмещение постов председателей Советов всех уровней и соответствующих партийных руководителей, при условии избрания их в эти Советы. Ну а в-третьих, избирательные комиссии попросту отказывали совсем уж «неблагонадежным» и «подозрительным» кандидатам в регистрации под разными предлогами. Ничего удивительного в этом не было, ведь закон о выборах составлялся и принимался еще в 1988 году, а тогда ситуация в стране еще была совсем другой! Среди «отказников» тех выборов оказался и Немцов. «Система выборов была несвободной, двухступенчатой, – вспоминал он потом. – Сначала нужно было пройти сквозь сито номенклатурного окружного предвыборного собрания, в состав которого входили представители партийно-хозяйственной элиты. И если эта категория граждан посчитает необходимым твое участие в выборах, только тогда народу разрешалось голосовать за тебя или против. Тогдашнее мое выступление на этой комиссии отличалось дерзостью и даже некоторым нахальством, поскольку, выступая в такой аудитории, я позволял себе высказываться против монополии партии на власть, за частную собственность, за независимую прессу, за отмену цензуры и политического сыска. Естественно, после таких речей напуганные начальники посчитали, что до народа эти мысли доносить нельзя. И не допустили меня к выборам вообще».

Откуда же взялся этот человек, которому было суждено сыграть значительную роль в истории постсоветской России?

Как известно, Борис Немцов родился в 1959 году в Сочи в семье врача Дины Эйдман и Ефима Немцова. Если про мать политика известно довольно много, то кто такой был его отец, довольно туманная история. Считается, что он был заместителем начальника некоего «строительного главка», но что это за «главк», где находился и чем занимался, история умалчивает. Борис Ефимович был вторым ребенком в семье, его сестра – Юлия Ефимовна впоследствии стала известной проповедницей, адвентисткой седьмого дня. При этом загадочный отец Немцова мало участвовал в воспитании детей, по выражению его самого, «свободный был человек, с нами не жил». Уже в детстве Дина Немцова с детьми переехала в Горький, в типовую хрущевку в районе проспекта Гагарина, одной из крупнейших магистралей города, идущей от центра нагорной части города к выезду из него в сторону Арзамаса и Рязани. Учился Немцов в самой обычной типовой школе, также расположенной рядом с этим вечно шумящим проспектом, по одну сторону от которого тянутся разнотипные жилые дома, а по другую длинный парк, обрывающийся крутыми, как бездонная пропасть, склонами к берегу Оки. А в какой-то сотне метров от здания, где провел большую часть детства Немцов, в широкой ложбине находился кинотеатр «Электрон». Именно в него, будучи школьником, Борис ходил с одноклассниками и приятелями. Кто бы мог подумать, что спустя 41 год после того, как он получил аттестат, именно в этом кинотеатре состоится премьера документального фильма «Борис Немцов. Слишком свободный человек»!

Но тогда, в разгар эпохи застоя, для этого не было никаких предпосылок. Чтобы сделать карьеру, надо было обязательно хорошо учиться, вступать в комсомол, потом в партию. И если с первым у Немцова было все в порядке, то с остальным не очень. «Я родился в разгар строительства коммунизма и даже в самых смелых юношеских фантазиях не мог представить, какие крутые виражи готовит мне жизнь, – вспоминал он потом. – В школе не был комсомольским вожаком, не собирался вступать в ряды коммунистической партии, хотя и понимал, что вне КПСС сделать карьеру практически невозможно. Но об общественном или, упаси бог, политическом будущем я тогда вообще не думал, собирался стать ученым-физиком». Но даже эта мечта могла не осуществиться. Сначала Немцову из-за его поведения и странных для того времени высказываний не хотели давать золотую медаль, а потом написали в выпускной характеристике, что он «политически неустойчив». Только благодаря хлопотам матери и ее знакомых директор в итоге смягчила формулировку на более нейтральную: «позволяет себе политически непродуманные высказывания». Остается только догадываться, что такого натворил Борис Ефимович, чтобы заслужить подобный «волчий билет». Ведь в середине 70-х к характеристикам уже не относились так серьезно, как в былые годы, в основном педагоги ограничивались типовыми фразами. Тем более когда речь идет о золотых медалистах! Конечно, некоторые скажут, вот, мол, с детства не боялся высказывать свою позицию, смелый человек! В действительности мотив таких поступков может быть совершенно разным. Скорее всего, Немцов наслушался «антисоветчины» от своего отца, с которым периодически общался, а потом повторял ее ради привлечения к себе максимального внимания сверстников и взрослых. Впрочем, подробно о психологическом типе Немцова и его вероятных истинных мотивах поведения будет рассказано ниже при более подходящем случае...

Следующие 10 лет жизни прошли не особо примечательно. Думается, и там было много ярких моментов, но, во всяком случае, в историю страны не вошли. В 1976 году Немцов поступил на радиофизический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, который с отличием закончил. После окончания вуза он работал в научно-исследовательских институтах, где, согласно официальной биографии, занимался проблемами физики плазмы, акустики и гидродинамики. В 1985 году, работая в НИРФИ под научным руководством своего дяди – профессора Вилена Эйдмана, Немцов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Когерентные эффекты взаимодействия движущихся источников с излучением». Затем он полностью погрузился в научную работу, делал различные изобретения и открытия. «Он очень много работал, быстро и легко писал статьи и уже в 1985 году защитился, – вспоминал известный физик Лев Цимринг, член Американского физического общества, какое-то время работавший с Немцовым. – Несмотря на плейбойский вид и повадки, у Бори была абсолютно незаурядная голова и очевидная страсть к науке, это чувствовалось сразу».

Кстати, по некоторым данным, Бориса Ефимовича готовили чуть ли не в наследники научной школы самого нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга, знаменитого ученого, создателя полуфеноменологической теории сверхтекучести (теория Гинзбурга-Питаевского), теории магнито-тормозного космического радиоизлучения и радиоастрономической теории происхождения космических лучей. Вилен Эйдман был учеником и соратником академика, в свое время работавшего в Горьком.

Главным направлением научной деятельности Немцова стал так называемый акустический лазер. «Я предложил модель, состоящую из перегретого пара, смесь, которая в случае сильного охлаждения излучает очень мощный звук», – вспоминал он. Фактически речь шла об одном из вариантов сазера – генератора когерентных звуковых волн определенной частоты. Широкого применения данные устройства по сей день не нашли, а многие ученые и вовсе считают их тупиковым направлением физики. Сам же Немцов оценивал свое изобретение очень высоко, утверждал, что стал чуть ли не создателем нового супероружия, и даже сравнивал себя с Эйнштейном. Мол, прибор представлял собой нечто вроде гиперболоида инженера Гарина

и был способен «поражать человека». При этом сам же Борис Ефимович вроде как и спас от него человечество. «Прибор не стал оружием, потому что его не успели засекретить: я послал статью в зарубежный журнал», – утверждал он. И даже сожалел, что его не назвали «лазером Немцова». До сих пор некоторые утверждают, что это было «гениальное изобретение», с помощью которого можно как минимум разгонять туман и облака, а то и создать некое «метеорологическое оружие». Правда, никто всерьез этими разработками почему-то не занимается. К слову сказать, именно за работой над «акустическим лазером» Немцов познакомился и подружился со своим будущим пресс-секретарем Александром Котюсовым.

Это сейчас тот факт, что будущий скандально известный политик с имиджем неуязвимого плебоя когда-то всерьез занимался физикой, может показаться удивительным. Но ведь и будущий самый одиозный российский олигарх Борис Березовский, защитив кандидатскую диссертацию, в 70-х годах скромно трудился в Институте проблем управления Академии наук СССР. Как и положено, сначала вкалывал инженером, потом младшим и старшим научным сотрудником, дослужившись в итоге до почетной должности заведующего лабораторией. В 1978 году Березовский получил медаль лауреата премии Ленинского комсомола. Вся его голова в то время была занята научными трудами, монографиями и работой над докторской диссертацией по физике. К 1991 году Борис Абрамович заслужит пожизненное звание академика... Анатолий Чубайс в конце 70-х – начале 80-х годов скромно работал ассистентом, а потом доцентом в Ленинградском инженерно-экономическом институте имени Пальмиро Тольятти, Владимир Гусинский учился на режиссерском факультете ГИТИСа имени Луначарского. Ну а москвич Егор Гайдар, в 1973 году закончивший школу с золотой медалью, а через пять лет уже МГУ с красным дипломом, в конце 70-х ударно писал диссертацию по теме «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)». Кто бы мог подумать тогда, что эти обычные советские люди, ученые, комсомольцы, в скором времени станут решать судьбы огромной страны?! Причем совсем не той страны, которая воспитывала в них коммунистические идеалы!

Конец 80-х годов действительно стал временем, когда те, у кого в обычных условиях не было ни единого шанса получить власть, обогатиться и даже по-настоящему выделиться из своих современников, стремительно взлетали на самый олимп. А другие, наоборот, падали, как те самые садовые диваны, летевшие под откос. Страну как будто переворачивали вверх колесами, и те, кто был внизу, быстро оказывались на самом верху, и наоборот. Можно даже назвать это неким историческим «эффектом опрокидывания». Конечно, у каждого персонажа «лихих девяностых» был свой путь. А у Немцова он начался с мирного атома...

Глава 2

Немцов против атомного монстра

ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль

В начале 1984 года городской Совет народных депутатов города Горького утвердил генеральный план развития города. Согласно ему к 2010 году население областного центра должно было составлять 1,8 миллиона человек, а его внешний вид мог измениться до неузнаваемости. План был по-советски невероятно дорогостоящим, достаточно сказать, что только на осуществление его первой очереди требовалось 3 миллиарда рублей – огромная сумма по тем временам. В том числе миллиард требовался на жилищное строительство, ибо жилой фонд города намечалось удвоить!

В начале 80-х в городе Горьком развернулся, как оказалось, последний в эпоху социализма строительный бум. Активно возводились три новых микрорайона: Молитовский, Мещерское озеро и Верхние Печеры. «Строительство продолжается, – рассказывала статья „Приметы времени“. – Пока в Верхних Печерах два микрорайона – второй и третий, а будет и четвертый, и первый. Проектом застройки предусматривается строительство поликлиники, которая решит проблему медицинского обслуживания населения... Во втором микрорайоне в проекте застройки значатся медпункт, кафе, кулинарный и молочный магазины, парикмахерская, в третьем микрорайоне – магазины, общественно-торговый центр. Строится овощной магазин. Словом, у Верхних Печер большое будущее». Однако до «коммунизма» было еще далеко. По состоянию на 1 января 1984 года средняя обеспеченность на жителя составляла всего 13,8 квадратного метра на одного горьковчанина. Но уже через пару-тройку десятилетий горожанам обещали настоящий город-рай! Планы развития Нижнего Новгорода – Горького, как известно, начали разрабатываться еще при императоре Николае I и продолжились при советской власти. И каждый из них был все грандиознее и масштабнее. Работу над Генпланом-1984 известный институт Гипрогор начал еще в 1977 году. Большую роль в его создании сыграл и известный горьковский архитектор, начальник архитектурно-планировочного управления горисполкома Вадим Воронков. Кстати, последний прослыл, так сказать, радикалом в вопросе сохранения исторического облика «старого Нижнего». Воронков был сторонником нещадного сноса ветхого и просто старого фонда, расширения узких улиц в центре города и застройки его типовыми многоэтажными домами. «По общей оценке ведущих специалистов по градостроительству, Горький – один из сложнейших городов не только республики, но и всей страны, – говорил он в интервью „Горьковскому рабочему“. – В связи с этим Госстрой СССР поручил Гипрогору до разработки генерального плана выполнить технико-экономические обоснования... Было предложено четыре варианта основных территориальных направлений развития города. Все они признаны возможными. Однако на период до 2000–2010 годов решено в основном развивать город в нагорной части – на юг, юго-запад, с размещением там жилищного строительства. В заречной части город будет расти на северо-запад, на Сормовской пойме».

Воронков имел в виду правый берег Волги за заводом «Красное Сормово». На месте многочисленных садовых товариществ и частного сектора планировалось возвести два огромных микрорайона: Сормовское Приволжье и Лунский, которые должны были состоять из 9-12-этажных домов серии Э-600 (с навесными утеплительными панелями). Последние были сильно распространены в Ленинграде, где получили прозвище «дома-корабли» за внешнее сходство с океанскими лайнерами. Сплошные линии окон на белом фоне напоминали палубы. Подоб-

ный тип застройки использовался для гашения сильного морского ветра в прибрежных районах, в Сормове же «корабли» должны были загораживать город от северо-восточных ветров! А вот обеспечить горячей водой и отоплением строящиеся на окраинах Горького микрорайоны должна была первая в мире атомная котельная...

Идея использования мирного атома в коммунальных целях возникла в середине 70-х годов. Горьковское отделение института «Теплоэлектропроект» выполнило схему теплоснабжения города Горького на период до 1990 года. Она была согласована с Госпланом СССР и утверждена Минэнерго Советского Союза. Согласно схеме в нагорной части города на границе будущей застройки должна была появиться Горьковская атомная станция теплоснабжения (ГАСТ). Предложение было одобрено всеми соответствующими инстанциями, как «переходное» и «прогрессивное». А поскольку ни о каких радиационных авариях в СССР СМИ никогда не сообщали, эта новация не вызвала никакой паники и даже критики среди населения. И это притом, что незадолго до принятия решения о строительстве объекта горьковчане на своей шкуре испытали весь ужас радиоактивного заражения!

В конце 60-х годов завод «Красное Сормово», выпускавший атомные подлодки, работал в очень напряженном графике. В мире шла гонка вооружений, и военные требовали от производителей все больше подводных лодок. К тому же предстояло 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, которое вся страна встречала трудовыми рекордами. Работа в секретных цехах, расположенных в северо-западной части завода, не прекращалась ни на день. При этом мерами безопасности порой пренебрегали... Утром 18 января 1970 года при проведении гидравлических испытаний первого контура реактора атомной подводной лодки К-302 произошел случайный запуск установки, которая проработала около 15 секунд на запредельной мощности. В результате заглушки первого контура не выдержали, и через вырванную тяжеленную крышку люка подлодки вырвалась огромная струя воды. «Мощный радиоактивный фонтан воды и пара окатил все вокруг – стоящую рядом подлодку К-308, стены, потолки и полы сборочного цеха, – вспоминал Александр Зайцев, работавший тогда главным строителем отдела главного строительства кораблей. – Ну и, конечно, людей. А их в это время находилось в помещении 156 человек». Серьезного радиоактивного заражения местности удалось избежать лишь благодаря закрытости цеха и вовремя сработавшей автоматики, заглушившей реактор.

Шестерых рабочих, находившихся в момент аварии внутри подлодки, доставили в больницу в Москву, где трое из них скончались уже через неделю. Дезактивация проводилась силами личного состава представительства военной приемки и добровольцев из состава рабочих. Многие из них впоследствии умерли от различных болезней, связанных с радиацией. Сама подлодка К-302 после аварии была переименована в К-320. После замены реактора в 1971 году она была спущена на воду, а 15 сентября того же года вступила в строй. Во время службы с лодкой случилось еще несколько происшествий. Так, 19 января 1972 года она столкнулась в Мотовском заливе с подлодкой К-131 и повредила корпус. А в мае 1976 года во время плавания произошла частичная разгерметизация активной зоны реактора. Из состава флота К-320 была исключена в 1994 году.

Ну а в Горьком со всех участников инцидента взяли подписку о неразглашении, поэтому только узкий круг лиц знал о произошедшем. В то время как на расположенном в городской черте предприятии шла дезактивация, о которой все советские школьники были наслышаны из рассказов про атомные бомбы, по соседним улицам как ни в чем не бывало курсировали автобусы и троллейбусы, детишки ходили в школу и садики, а трудящиеся спешили на работу.

И вот теперь горьковчанам хотели построить прямо возле города атомную котельную. Более того, мало кто знает, что помимо ГАСТ в районе между Горьким и Дзержинском собирались возвести еще и первую в мире атомную теплоэлектроцентраль (АТЭЦ) мощностью 2 тысячи мегаватт! Предполагалось, что она будет иметь четыре энергоблока, два из которых будут обеспечивать теплом Сормовский, Канавинский и Автозаводский районы Горького, а

еще два – соседний Дзержинск. Таким образом, к 1990–2000 годам город должен был стать первым в СССР, который практически полностью перешел бы на атомное отопление и электроснабжение. У энергетиков и коммунальщиков, как говорится, от планов дух захватывало! «При новой системе себестоимость горячей воды у нас снизится в разы, – рассказывал автору дедушка, в тот период начальник отдела жилищно-коммунального хозяйства Горьковского облисполкома. – И экология у нас очистится, смог над городом исчезнет».

Правда, с АТЭЦ вышла промашка. Дело в том, что местность между Горьким и Дзержинском по большей части представляла собой болота и реки с рыхлыми грунтами и большим количеством подземных вод. Поэтому подобрать площадку для атомной ТЭЦ оказалось непросто. А когда подыскали, изменились нормы приближения атомных станций к городам. В итоге от заманчивого проекта АТЭЦ Горьковскому облисполкому, в котором начальником отдела ЖКХ в то время работал и дед автора, Михаил Кривошей, пришлось отказаться. А вот ГАСТ в районе деревни Федяково и железнодорожной станции Ройка была заложена в 1979 году. Участок находился всего в нескольких километрах к востоку от городской черты, но эта близость была необходима для доставки теплоносителя в систему отопления! Понятно, что гнать горячую воду по трубам за десятки километров не имело смысла. Впрочем, в то время горьковчане слышали о радиоактивных авариях только по слухам, с Чернобыльской АЭС все было в порядке, ее даже показывали в кино в научных киножурналах перед фильмами. Посему никаких опасений по поводу того, что прямо рядом с городом строится и скоро заработает атомная станция, у людей не возникало.

В первое время станция строилась ударными темпами. Как-никак, после апробирования атомной котельной в Горьком аналогичную собирались построить в Воронеже, а потом других крупных городах страны, в том числе Москве и Ленинграде. Уже 1 января 1982 года началось сооружение первого энергоблока «Горький-1». Согласно графику строительства, его планировалось ввести в строй уже в 1985 году, а в 1986-м должны были запустить и «Горький-2», после чего ГАСТ заработала бы на полную мощность. «Это позволит обеспечить теплом большую часть нагорных районов нашего города и отказаться от многочисленных мелких котельных», – рассказывала статья «На атомной станции». Строительству объекта придавалось первостепенное значение, был даже создан городской штаб по строительству Горьковской атомной станции теплоснабжения, который возглавили секретарь горкома КПСС Ю. А. Марченков и председатель горисполкома К. И. Базаев.

Строительство самого корпуса ГАСТ вело строительско-монтажное управление № 4, которое по итогам 1983 года выполнило план по генподряду на 100%. Если бы стройка и дальше шла такими же темпами, то уже через год-полтора в батареях жителей микрорайона Щербинки потекла бы вода из второго контура охлаждения атомного реактора модели АСТ-500. Ну а необычайную надежность ядерной котельной, которую обещали проектировщики из ОКБМ, горьковчанам предстояло проверить на собственной шкуре. Символично, что как раз в Щербинках в это время проживал в ссылке академик Дмитрий Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы. Интересно, что он думал о проекте ГАСТ, о котором часто писали в газетах? Однако оптимистичным планам атомщиков, чиновников и коммунальщиков не суждено было сбыться. Уже в январе 1984-го у СМУ-4 возникли первые трудности. «На строительной площадке не хватает рабочих, заметно сдерживает темп и плохое снабжение материалами и оборудованием, – сетовали СМИ. – Члены штаба наметили конкретные меры по устранению этих недостатков и активизации хода строительства важнейшего объекта теплоснабжения». Но времена были уже не те. Советский Союз вступал в период глубочайшего кризиса, вызванного как затянувшейся стагнацией, так и постепенным падением мировых цен на нефть, начавшимся еще в конце 1982 года. Это сказалось на всех отраслях экономики, в том числе и на ядерной энергетике.

В итоге уже на завершающем этапе строительство ГАСТ было приостановлено. В 1985 году работы на объекте шли чрезвычайно медленными темпами, не помогали ни многочисленные совещания, ни ударные смены. Ну а потом случился Чернобыль... Катастрофа, навсегда разделившая мировую атомную энергетику на «до» и «после», волею судьбы наложилась на только что начавшуюся эпоху гласности и демократизации, в связи с чем государству на сей раз не удалось не только скрыть, но даже приуменьшить масштабы аварии. В стране началась настоящая атомофобия. А в городе Горьком дававшие когда-то подписку о неразглашении ликвидаторы и свидетели инцидента 1970 года начали понемногу рассказывать, что и у нас, мол, свой «мини-чернобыль» был. Возник резонный вопрос: а нужна ли нам под боком своя атомная станция? Не превратится ли в один прекрасный день город Горький в такой же призрак, как украинская Припять?!

Так или иначе, Чернобыль отодвинул сроки пуска станции. От атомщиков потребовали значительно изменить и пересмотреть существовавшие нормы безопасности (ведь до этого считалось, что советские реакторы совершенно безопасны, ими можно даже чаек на Красной площади кипятить!). Все это серьезно удорожало строительство, по слухам, даже была разработана некая аварийная система, когда реактор в случае серьезного сбоя проваливался в шахту и сразу заливался жидким бетоном. Хотя кто бы там этот бетон круглосуточно месил? В общем, противники ГАСТ выиграли значительное время.

Что увидел, то и спел

«Коммунисты затеяли строительство атомной котельной – „атомной станции теплоснабжения“ (АСТ), – вспоминал Немцов. – Они предлагали нагревать воду в атомных реакторах, и потом через систему теплообменников эту воду под высоким давлением закачивать в нижегородские дома. Поскольку страна на тот момент была безмолвна, никто никого ни о чем даже не собирався спрашивать – стали строить. Однако Нижний – по сути своей город не рабский, у нас появилась общественная организация „За ядерную безопасность“, главной задачей которой было не допустить строительства этой самой котельной. Даже моя мама стала собирать на площади имени Горького подписи против этого проекта. Собственно, благодаря матери я и пришел в политику. Она все время мне твердила одно и то же: „Вот ты занимаешься никому не нужной наукой, а у нас тут собираются ядерную котельную строить. У тебя совесть есть?“ Наконец меня, как физика, попросили войти в организацию». В отличие от обычных «атомофобов» Борис Ефимович первым открыто высказал мысль, что станция не только опасна с точки зрения возможных аварий и нештатных ситуаций, но и экономически бессмысленна. Дело в том, что коммунальное хозяйство в это время находилось в довольно запущенном состоянии. Все силы и средства уходили на постройку коммуникаций в новые микрорайоны, в то время как старые, в том числе магистральные водопроводы и сети горячего водоснабжения, не ремонтировались. В конце зимы 1984/85 года, перед смертью генсека Черненко в Горьком даже произошло несколько крупных коммунальных аварий. Тысячи жителей остались без воды и тепла, в нескольких местах вода текла по улицам города, замерзала, превращая проезжую часть в горы льда и парализуя движение. Немцов считал, что коммунальные сети попросту не выдержат атомного напора, трубы, батареи и стояки будут лопаться, а нагретый в реакторах кипятик в итоге придется выливать в поле.

В 1987 году Немцов написал по этому поводу статью в «Горьковский рабочий». А тот на волне начавшейся гласности и страха перед повторением Чернобыля взял да и напечатал ее! Фактически молодой Борис Ефимович (да еще и кандидат физматнаук) прямо озвучил то, что другие либо не решались сказать, либо говорили в более обтекаемой, завуалированной форме. Эту особенность Немцова (что вижу, то и говорю) впоследствии отмечали многие его коллеги и поклонники¹. В данном случае он сказал то, что надо было. Поэтому редакцию «Горьковского рабочего» завалили письмами читателей. Газета в духе времени попыталась организовать нечто вроде круглого стола, но из этого ничего толком не вышло. Оправдания сторонников ГАСТ, чиновников и самих атомщиков, а также их призывы «не спешить», «взвесить все за и против» вызывали только озлобление и еще более яростные крики противников. В результате «Горьковский рабочий» (видимо, по совету городских властей) тему постепенно прикрыл. Но ее тут же подхватила самая либеральная нижегородская газета того времени – «Ленинская смена». Это был печатный орган местного обкома ВЛКСМ, издававшийся еще с 1919 года. Однако статьи про ударные стройки и комсомольскую мораль во время перестройки перестали привлекать читателей, и издание смело сбросило старую шкуру, начав писать про самые актуальные и злободневные темы.

«Общество настолько серьезно отнеслось к проблеме, было столько откликов, что в нашем институте даже специально поставили стол для „писем Немцову“, – рассказывал Борис Ефимович. – Это был 1987 год. Мне 27. К этому времени я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере. Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции. В конце концов, я

¹ Даже в фильме «Борис Немцов. Слишком свободный человек» бизнесмен Михаил Прохоров охарактеризовал Немцова: «Борис, ты как чукча, что вижу, то и пою».

просто не мог оставить маму на площади в одиночестве. Так и втянулся». Однако и атомщики не сдавались. Ведь в проект было вложено столько сил и средств, научных идей и трудов, что просто жалко было его бросать в момент, когда станция была уже фактически построена! Что же, нам ее сносить теперь?! Популизм!

В начале 1989 года отделение института Атомэнергопроект разработало новую схему теплоснабжения города Горького (нагорная часть) на период до 2005 года. В схеме было предложено несколько вариантов, но все с участием ГАСТ. При этом указанная контора буквально шантажировала народ в духе: вот не построим атомную котельную, замерзнете все зимой! «Начался отопительный сезон, необходимо, чтобы каждый потребитель получал и расходовал тепла только столько, сколько ему действительно требуется, – писал в октябре 1989 года начальник отдела института В. Юртаев. – Следует каждому жителю города обратить внимание на источники потерь тепла в квартирах, работникам котельных – на строгое соблюдение параметров теплоснабжения». Из уст представителя атомной отрасли, не имевшей к коммунальному хозяйству никакого отношения, этот призыв выглядел как-то нелепо. С чего вдруг «Атомэлектропроект» так печется об экономии теплоносителей? Строительство ужасающей ГАСТ, название которой у некоторых вызывало неприятные ассоциации с болями в животе и гастритом, тем временем медленно, но продолжалось. Помню, как летом того же 1989 года наш класс поехал на практику в ЗЛТО (загородный летний трудовой лагерь). Проезжая Кстовский район, мы, 14-летние подростки, неожиданно увидели огромный силуэт атомной станции, возвышавшийся над холмами. После Чернобыля большой бетонный куб с характерной длинной трубой вызывал неприятные ассоциации. «Вот она – атомная станция!» – с трепетом переговаривались мы между собой. Выглядела она и вправду зловеще.

В 1990 году борьба против атомной станции продолжалась. И главным действующим лицом в ней, конечно, был не по-прежнему мало кому известный Немцов. 5 апреля сессия областного Совета народных депутатов Горьковской области постановила: «Областной Совет выступает за немедленное запрещение дальнейшего строительства Горьковской атомной станции теплоснабжения». Вскоре аналогичное решение с формулировкой «считать невозможным дальнейшее строительство и пуск станции» принял и городской совет. Несмотря на это и продолжающиеся протесты общественности, возведение объекта все еще продолжалось. В мае в Москве прошло совещание у заместителя председателя Совета министров СССР Л. Д. Рябова с участием председателя Горьковского облисполкома А. А. Соколова, народного депутата СССР В. Л. Ерохина и директора ГАСТ Ю. А. Здора. На нем решили, что работы все же надо продолжать. «Будучи в этом году на АСТ, я удивился: щит управления укрыт пленкой, кажется, сними ее – и он вспыхнет разноцветными огоньками, – рассказывал в своем интервью заместитель председателя Горьковского облисполкома А. М. Макиевский. – Реакторный зал вот-вот обретет рабочий вид – достаточно закрыть шахту реактора. Персонал уверен в себе и „активно обороняется“». Затем министр атомной энергетики Коновалов опубликовал интервью в газете «Правда», в котором указал, что «самый безопасный в мире» реактор АСТ-500 уже создан и станция по-прежнему сооружается. Минатомэнергопром приступил к строительству жилых домов и объектов социальной инфраструктуры ГАСТ. Атомщики также предложили некий компромиссный вариант: создать на станции учебный центр (стендовую базу для нужд атомной энергетики) без загрузки топлива в реакторы. Чиновники, вероятно, рассчитывали, что вернуться к вопросу можно будет немного погодя, когда страсти и эмоции улягутся. Ведь столько сил и средств (без малого 170 миллионов!) уже вложено в этот гениальный проект!

Ну а народ, боявшийся повторения Чернобыля, требовал немедленно прекратить или хотя бы приостановить стройку... Тем временем кто-то вспомнил, что на территории Горьковской области уже существует «опаснейший объект» – радиоактивный могильник в Семёновском районе. Это позволило горьковским экологами и активистам расширить фронт борьбы против «мирного атома».

Еще в 60-х годах для централизованного сбора, транспортировки и хранения низко- и среднерadioактивных отходов в СССР была создана целая сеть комбинатов «Радон». В 1960 году в 3 километрах к юго-западу от деревни Полом Семеновского района было построено горьковское хранилище отходов. В 70-80-х годах этот весьма скромный по своим размерам и назначению объект оброс многочисленными мифами и легендами. Мол, у коров, которых здесь пасут, «развиваются болезни и мутации», в лесу встречаются «зайцы метр ростом», детишки, искупавшись в речке неподалеку от хранилища, вылезают из воды «уже с радиоактивными ожогами», ну и «грибы невероятных размеров» грибники находят... Одним словом, настоящая «зона 51» в заволжских лесах!

В июне 1990 года жители Семеновского района в духе времени решили бороться с «местной Хиросимой». Сначала провели митинг, выставили на дороге, ведущей к «зоне», пикеты и деревянные ограждения, а 27 июня решительно отправились на сам объект. Само собой, вооружившись дозиметрами, которые в те годы многие приобретали как необходимую вещь в домашнем обиходе. К хранилищу вела хорошая асфальтированная дорога, вдоль которой торчали таблички с желто-красными кругами – символом радиационной опасности. Правда, приборы, к великому разочарованию атомофобов, показывали от 4 до 10 микрорентген в час при естественном фоне 6-20 микрорентген. «Ну ничего! – думали они. – Вот сейчас дойдем до „зоны“, а там наверняка охрана с пулеметами и горы „фонящих“ отходов!» Каково же было изумление активистов, когда вместо КПП и охранников с собаками они увидели на въезде калитку и сторожку! Собака там была и даже лаяла, но главная ее задача состояла в том, чтобы будить мирно спящего и единственного (!) сторожа. При этом удивленный и заспанный мужик не только не прогнал борцов с атомом, но и согласился провести экскурсию по объекту. Вместо какого-то угрожающего вместилища с сотнями тонн отходов гости увидели несколько небольших и закрытых бетонных колодцев. Причем, как ни мерили «экологи» радиацию, даже около стены могильника дозиметры не показали больше 12 микрорентген. «И это все, что „накопили“ за 30 лет? – недоумевали активисты. – А где же, собственно, радиация?» Еще больше их удивил оптимизм сторожа. Тот поведал, что работает здесь уже много лет, никакой радиации не боится и чудо-грибов мутантов в глаза не видел...

«Обезличенный ассортимент»

Впрочем, борьба с атомом в это время конечно же была далеко не главной заботой трудящихся. В 1990 году страну стало лихорадить все больше. Даже оптимисты стали осознавать, что советский строй, а главное – его экономика разваливается буквально на глазах. Дефицит товаров, несмотря на предпринимаемые горбачевским правительством отчаянные меры, усугублялся с каждым днем. Картина всеобщего хаоса и развала постоянно рождала на свет все новые и новые, доселе неизвестные и непривычные явления. Характерный для этого времени случай имел место в магазине «Обувь» в Горьком, что находился на проспекте Гагарина рядом с заводом «Гидромаш». Вернее сказать, не в самом магазине, а возле него на улице. В то время была такая «мода» в городах – торговать дефицитным товаром снаружи, чтобы огромная очередь «не мешалась» в торговом зале. Это сейчас продавцы готовы ковры расстилать перед покупателями, лишь бы обратили внимание на их «лавку», а в 80-х годах они считали себя настоящими королями, которым народ только мешал! Ходят тут всякие, понимаешь, мешают работать...

Когда жители узнали, что возле «Обуви» будут продавать женские зимние австрийские сапоги по цене 130 рублей, к магазину мгновенно стянулась толпа народу. Это ж дефицит, да еще и импорт! Однако надеждам женщин, уже представлявших, как они зимой будут щеголять в австрийских сапогах, не суждено было сбыться. «Когда торговля началась, мы все, стоящие в очереди, увидели, что инициативу полностью захватили дюжие парни, – писали в коллективной жалобе в ОБХСС работницы завода „Гидромаш“. – Они, применив физическую силу, блокировали все подступы к прилавку, передавали друг другу деньги и таким образом на глазах очереди и милиционеров скупили несколько десятков пар сапог. Из очереди сапоги купить никто не смог... Таким образом, с 16 до 20 часов „мафиози“ скупили почти все поступившие в продажу сапоги, которые через некоторое время окажутся на черном рынке по цене 300–400 рублей».

В 1990 году скупка дефицита спекулянтами действительно приобрела огромные масштабы. Установив тесные связи с работниками торговли, они заранее узнавали о поступлении тех или иных товаров на склады, после чего останавливали двигавшиеся к магазинам машины и под угрозой заставляли водителей продавать им содержимое! То есть выехал газон с базы с тридцатью ящиками обуви, а к магазину приехал уже с тремя-пятью! Дошло до того, что работники ОБХСС формировали вооруженные команды, которые сопровождали грузовики с дефицитом от базы до магазина. Но и это не помогало. Тем более что, даже если и удавалось поймать скупщиков с поличным, доказать их вину и осудить было практически невозможно. «Мы ж не украли ничё, а только купили! – резонно заявляли правоохранителям новоиспеченные бизнесмены. – И всё для себя!» Благо некогда грозная статья 154 УК «Спекуляция» уже не действовала, ибо во время перестройки частная торговля под видом «кооператорства» была фактически легализована.

Не имея возможности купить даже самые простые вещи в магазинах, измученные граждане вынуждены были идти за ними на черный рынок. Дефицитом стали даже такие «предметы первой необходимости», как водка и табак. Сигареты покупали впрок по несколько блоков, если же вовремя «взять» не удавалось, людям приходилось ехать на вокзалы, искать там цыганок, у которых в изобилии имелись болгарские сигареты: «Ту-134», Opal, Pagonu (в простонародье «Родопи») и др. К примеру, Московский вокзал в Горьком, известный как «Москарик», в конце 80-х вообще превратился в настоящий Шанхай! «И тут, и там обосновались сомнительного назначения „лотереи“, облапошивающие простодушных жаждущих выигрыша; толпы цыганок, втридорога торгующих косметикой и иными товарами; несметное число кооператив-

ных киосков; торговые точки, торгующие в антисанитарных условиях», – писал «Горьковский рабочий». Возмущенные недоумевали: а куда, собственно, смотрят ОБХСС и милиция?!

Последняя в это время попросту не справлялась с растущей волной преступности и уличного хулиганства. «Посмотрите, что творится у нас в городе, – писал в газету один из горьковчан. – Киоски „Союзпечати“ грабят и громят, скамейки ломают, воруют, спекулируют, убивают... Вечером во дворах, подвалах домов собираются подростки, молодежь. Ведут себя они вызывающе, агрессивны. Но не видно здесь ни участковых, ни милицейских патрулей... А посмотрите, сколько стало повсюду пьяных, хулиганов, дебоширов, матерщинников». Отдельной проблемой стало «телефонное хулиганство». Разгром и ограбление телефонов-автоматов были серьезной проблемой еще в конце 60-х. А через 20 лет она приобрела поистине катастрофические масштабы. В то время как мелкие жулики вскрывали аппараты и ссыпали из них по 4–6 рублей мелочи, шпана просто била стекла кабин, отрывала двери и даже сбрасывала телефонные будки в овраги и водоемы. В Горьком за 1989-й – первый квартал 1990 года было украдено свыше 400 уличных телефонных аппаратов, 5 тысяч трубок, разбито 1200 стекол в кабинках. Были в этом виде преступлений даже свои рекордсмены. К примеру, пойманный с поличным и осужденный на два года исправительных работ С. Синьков (работник молококомбината) уничтожил столько телефонов-автоматов, что ими можно было бы оборудовать целый новый микрорайон.

В этих условиях власти начали вводить «подушное распределение фондовых мясopодуKтов для продажи населению». Проще говоря, талонов на мясо. Собственно, как таковые талоны (или карточки) на продукты питания и некоторые товары народного потребления действовали и ранее. Для тех, кто не знает или подзабыл, о чем идет речь, поясним, что по талону каждый гражданин имел право купить в месяц (а не получить бесплатно, как некоторые думают) определенное количество дефицитного товара. То есть человеку надо было отстоять очередь, вручить злобному продавцу специальную бумажку с определенным сроком действия и только потом – деньги за товар. Зато гарантированное количество и по «государственной цене»! Талоны выдавались по месту прописки в ЖЭКе (или в общежитии – для студентов). На них не печатались ни фамилия, ни адрес, это была бумажка на предъявителя, которую можно было отоварить в любом магазине. Скажем, те, для кого водка была важнее масла и сахара, могли обменять талоны родственникам и знакомым. В принципе «лишние» карточки можно было даже продать. Ибо цена на ту же сорокаградусную по талонам была в разы меньше, чем на черном рынке. Мясные карточки (это слово официально использовать побоялись из-за неприятных ассоциаций с блокадным Ленинградом) еще называли «талонами на обезличенный ассортимент». То есть граждане могли сами выбрать, что им брать. Либо полтора килограмма фасованного мяса, либо 1,2 килограмма вареной колбасы, либо 850 граммов полукопченой колбасы, либо 1 килограмм свинокopченостей, либо 750 граммов мясных консервов. Кстати, уже тогда Горьковским горсоветом был подготовлен и еще один, «крайний вариант» распределения мяса. Согласно ему все горожане получали бы 0,75 килограмма вареной колбасы и 0,5 килограмма полукопченой, а вот мясо (полтора килограмма в месяц) полагалось только работникам производственной сферы. Таковых в Горьком числилось 693 тысячи человек при почти полуторамиллионном населении. А это уже пахло нормами военных лет!

Широкая общественность восприняла нововведение по-разному. Одни говорили – мол, «докатились», «дальше перестраиваться некуда» и вообще скоро «снова голод будет». Другие, особенно малообеспеченные граждане, напротив, введение мясных карточек поддерживали. Им казалось, что таким способом будет наконец восстановлена поправная социальная справедливость: «пусть по талонам, лучше впроголодь, зато всем поровну», «мало, зато дешевле, чем у спекулянтов на базаре»...

Впрочем, на деле все оказалось не так просто. В отличие от продававшихся по талонам сахара и чая мясopодуKты относились к скоропортящимся товарам и подлежали реализации

в день поступления в продажу. В связи с этим горисполком просил жителей города не задерживать дома талоны, а «равномерно в течение указанного месяца посещать магазины» и отовариваться. Каким образом должна осуществляться эта «равномерность», чиновники конечно же не пояснили! Одним подъездом идем отовариваться в первую неделю, вторым – во вторую, третьим – в третью?! Или же составлять поквартирные графики отоваривания талонов? Понятно, что, получив спасительные карточки, граждане панически боялись, что те, как говорится, «сгорят». Посему при первой же возможности обегали ближайшие гастрономы и вставали в очередь за колбасой или копченостями. Надо было иметь железную выдержку, чтобы «равномерно» дожидаться конца месяца и идти за мясом на исходе срока действия талона. Лучше уж сразу отоварить и в морозилку его! Хотя «обезличенный ассортимент» и предполагал выбор, в действительности брали в основном то, что «дают». Разумеется, выдаваемого по талонам мяса (тем более оно нередко продавалось «вдовесок» с костями) для пропитания было недостаточно. Спасением для горьковчан оставались курятина, котлеты, пельмени и суповые наборы, которые по-прежнему продавались свободно, без талонов. И к тому же дешево! А до введения рыночной экономики, которая навсегда покончила с пресловутым советским дефицитом, оставалось еще полтора года...

Вот в таких условиях 4 марта 1990 года и прошли выборы народных депутатов РСФСР. 1068 человек было избрано на съезд народных депутатов России сроком на пять лет, причем 86% из них по-прежнему являлись членами КПСС, хотя это слово в то время уже стало нарицательным. Беспартийным депутатам и демократам в парламенте досталось всего 148 мест. Среди последних оказался и молодой горьковчанин Борис Немцов!

Свою избирательную кампанию он проводил под лозунгами остановки строительства ГАСТ, возвращения городу исторического названия Нижний Новгород и жесткой критики КПСС. «Они были уже свободными, но довольно жесткими, потому что все-таки проходили под контролем компартии, – вспоминал Немцов о тех выборах. – Я имею в виду прессу, руководителей всех предприятий. Не обошлось без довольно забавных эпизодов. Самое главное состояло в том, что коммунисты, борясь со мной, предложили в качестве альтернативы одиннадцать (!) кандидатов. Все одиннадцать были коммунистами, которые, может быть, и имели разные программы, внешне, но внутренне отвечали требованиям тогдашнего обкома к народным депутатам.

Потом, когда я уже победил, я спросил одного босса, зачем они сделали такую глупость, зачем было одиннадцать коммунистов выдвигать против меня. Он наивно ответил:

– Если не понравился бы один из них, то мог понравиться другой. Или третий. Главная задача была, чтобы ты никому не понравился».

Однако «боссы» сильно ошиблись! Молодой, красиво говорящий физик, борец с атомной станцией просто не мог не вызвать симпатии у народа. А тот факт, что Немцова всячески охаивали и препятствовали его выступлениям, только прибавлял ему популярности. Ах так?! Решаете за нас всё! А мы вот назло за этого лохматого парня пойдем голосовать! С этой особенностью своих земляков Борис Ефимович потом сам неоднократно столкнется, когда уже будучи губернатором и вице-премьером будет «пропихивать» на пост мэра Нижнего Новгорода «своих» людей. «Мне было очень трудно встречаться с людьми, – сетовал Немцов. – Многие руководители предприятий просто не допускали моих встреч с народом. Например, тогдашний директор автозавода долго не впускал меня на территорию предприятия, и мне пришлось проехать туда нелегальным образом. В кузове грузовика. А когда я приехал на встречу на Автозаводскую ТЭЦ, собравшимся объявили, что все будут немедленно отправлены на уборку территории. В наказание. В нерабочее время. На целую неделю». Характерно, что Немцов, позиционировавший себя интеллигентом, избирался не в нагорной части города, считавшейся местом жительства советской элиты и интеллигенции, и даже не в Сормове, славном своими революционными и судостроительными традициями, а на Автозаводе! Фактически отдельном

городе в городе, всегда жившем по своим правилам и где настоящим начальником фактически был не первый секретарь райкома, а директор ГАЗа². Смелость? Или веселое хулиганство?

Немцов в итоге победил и вскоре впервые оказался в Москве. Не физически, а политически, разумеется. И тут же попал в самую гущу событий, ускоривших крах советского строя. Избранный съезд начал работу 16 мая с избрания народного депутата РСФСР Бориса Ельцина председателем Верховного Совета. А 12 июня парламент принял Декларацию о государственном суверенитете (впоследствии эта дата будет названа Днем независимости). В этот же период Немцов познакомился с Ельциным. Сам он описывал это событие так: «Депутаты съехались в Москву на первое заседание Верховного Совета РСФСР, и Ельцин пригласил на встречу тех, кто победил под демократическими лозунгами. Собрались. Ельцин зашел, увидел меня, молодого парня (а мне тогда было 30 лет), и с ходу говорит: „Вы из Нижнего Новгорода? У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?“ Меня это удивило. Он несколько часов сидел и слушал нас, совсем молодых людей, неоперившихся, практически ничего не комментируя и только что-то записывая. И это не был аттракцион по внимательному прослушиванию разговоров начинающих политиков, это был заинтересованный, важный разговор».

Уже тогда Немцов понравился Ельцину своими красивыми речами, а Ельцин восхитил Немцова своим «смелым» поведением. Мол, что бы ни делал будущий президент России, все это «соответствовало запросам общества». И перечислил: падал с моста в реку, ездил в трамвае, ходил по районным поликлиникам. А именно этого, по мнению Бориса Ефимовича, в тот период и ждало общество от своего лидера. Герой, не похожий на импозантных и «сучных» партийных боссов советского периода!

² Кстати, и в будущем Немцов не нарушал традицию и даже в 1999 году избирался в Государственную думу от Автозаводского и Ленинского районов. Против бывшего директора завода Бориса Видяева. И снова победил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.